

ИВ. ИЛЬИН И ЕГО НЕПРИЯТИЕ ЗЛА

(весьма субъективные заметки)

В статье анализируются некоторые аспекты идеи И.А. Ильина о сопротивлении злу силой.

Ключевые слова: зло, добро, духовный мир.

У статті аналізуються деякі аспекти ідеї І.О. Ільїна про вчинення спротиву злу за допомогою сили.

Ключові слова: зло, добро, духовний світ.

Some aspects of Ilyin idea how to resist evil by force are analysed in the article.

Key words: evil, good, spiritual world.

Два великих человека, мыслителя, два творческих гения – Л.Н. Толстой и И.А. Ильин – высказались по поводу той мысли-парадигмы, которую еще ранее сформулировал И.Кант: мир лежит во зле. Понятно, что речь идет о человеческом мире, ибо мир природы не содержит зла. И только мир человека, его культура содержит зло. И не только содержит зло, но и творит его. Мир зла характеризуется онтологическими, гносеологическими, методологическими аспектами. Для того, чтобы охарактеризовать или проанализировать отмеченные аспекты, попытаемся ответить на вопрос: что такое зло?

В чем выражается онтология, бытие зла? И может ли, например, формальная логика, которой оперировал еще Аристотель, помочь понять онтологию зла? Зло есть зло, а добро есть добро, и нет никакой особой диалектики, чтобы онтологически добро и зло переходили друг в друга (Н.А. Бердяев, В.И. Ленин). Понятия, категории «добро» и «зло» контрарные.

Что это означает? Это означает, что характеристики «зла» и «добра» исключают друг друга. Например, «корысть». Что такое корысть? Использование любых явлений человеческой культуры для удовлетворения телесных, душевных, интеллектуальных желаний, потребностей, предпочтений. К примеру, «корысть родителей» и «корысть детей». Родители желают, чтобы им вскопали огород, хотя у самих физические возможности еще есть, и т.д. Дети – нежелание работать, стремление «повисеть» на шее как можно дольше под самыми благовидными предложениями.

Так где же начинается зло, где его источник? И.А. Ильин утверждает, что «человеческий душевно-духовный мир – это истинное местонахождение добра и зла»¹ Требуется ли приведенная мысль уточнения? И да, и нет! Если читатель понимает, о чем идет речь, то можно и не уточнять; если же для читателя «душевно-духовный мир» - «черная дыра», то необходимо отыскать метод, который позволил бы «осветить» душевно-духовный мир. Все же мы живем в XXI в., и философия предложила феноменологический метод исследования таких объектов, как сознание. Для читателей можно порекомендовать прекрасную и глубокую работу Виктора Молчанова «Исследования по феноменологии сознания»². Вопрос о «Я» в современной феноменологии весьма сложен. Но в чем сложность? И.А. Ильин, когда обращается к личности, к ее духовному миру, то для него «духовное Я» - это не вещьобразный предмет. Но, что это? И.А. Ильин делает следующую ремарку: «Дело обстоит так, что «внутреннее», даже совсем не проявленное вовне или, по крайней мере, никем извне не воспринятое, уже есть добро, или зло, или их трагическое смешение; «внешнее» же может быть только проявлением, обнаружением этого внутреннего добра, или зла, или их трагического смешения, - но само не может быть ни добром, ни злом»³.

То, что внутреннее и внешнее связаны – это тривиально. И.А. Ильин не остаётся в рамках этой тривиальности. Русский философ проводит важное различие между внутренним и адекватным восприятиями. Разумеется, адекватным восприятием может быть только внутреннее, но не каждое внутреннее восприятие адекватное. Вот здесь и кроется проблема, ибо касается содержания сознания, поскольку оно не только многоликое, но и уровневое. Если следовать логике И.А. Ильина, то акт человеческой зависти сопровождается актом внутреннего восприятия зависти. Но внутреннее восприятие зависти не есть сама зависть. И русский философ это отмечает, причем, весьма и весьма своеобразно. Он пишет: «Перед лицом добра и зла всякий поступок человека таков, каков он внутренне и изнутри, а не таков, каким он кому-то показался внешне или извне»⁴. Иначе говоря, И.А. Ильин совершенно прав в том, что человек, желающий воспротивиться злу и одолеть его, должен допустить непрерывное действие внутреннего восприятия, «он должен достигнуть того, чтобы злая страсть его собственной души из своей собственной глубины,

¹ Ильин, И.А. Сочинения / И.А. Ильин. – В 2 т. – Т. 1. – М., 1993. - С. 313.

² Молчанов, В.И. Исследования по феноменологии сознания / В.И. Молчанов. – М. : Территория будущего, 2007 – 453 с.

³ Там же. – С. 313.

⁴ Там же. – С. 314.

обратившись, увидела; увидев, загорелась; загоревшись, очистилась; очистившись, переродилась; переродившись, перестала быть в своем злом облиции»¹.

Человек, желающий воспротивиться злу, должен достигнуть опыта очевидности, отделяющего представление от представления, суждение от суждения, одно эмоциональное состояние от другого. В опыте очевидности дана граница². По существу, речь идет о формировании опыта, отделяющего, например, радость от безразличия и, т.п. Однако «природа», или особенность, опыта такова, что в нем не может быть выделен какой-либо вторичный акт, позволяющий схватывать, выделять прежний, первичный опыт. В связи со сказанным, можно сформулировать парадоксальное суждение: опыт не подтверждается опытом. Опыт всегда в настоящем, и только в настоящем. Опыт прошлого может актуализироваться, но только в настоящем. Опыт есть настоящее в настоящем. Зло прошлого существует в настоящем через актуализацию тех или иных традиций. Это не означает, однако, что всякая традиция есть зло. Посему нельзя согласиться с тезисом К. Маркса о том, что традиции прошлого тяжелым кошмаром давят на сознание живых, если быть точным, то на *живое* сознание, которое обладает рядом модусов: восприятием, памятью, воображением, чувствами, сомнениями, фантазиями, радостями, печалью, желаниями, предпочтениями... Опыт невозможен без указанных модусов сознания, а также без модусов времени – без прошедшего, наступающего, настоящего, без различий «раньше – позже», и т.д.

И.А. Ильин не анализирует проблему о сопротивлении злу силою на уровне конкретных модусов сознания и времени в полной мере, или во всей ее фундаментальности. И в этом, пожалуй, главный недостаток прекрасной работы русского философа. Иной вьедливый читатель может заметить: «Чем критиковать, возьмите и проанализируйте». В этом есть определенный резон. Мы полагаем, что сказанное, скорее, является темой будущих исследований, если человек желает понять сущность добра и зла. И.А. Ильин, по видимому, и не ставил перед собою такую задачу. Для него важнее было четко и однозначно поставить, сформулировать задачу – расчистить «поля» понятий «зло» и «добро», прояснить, какие модусы позволяют утверждать, что человек сталкивается со злом, и какие модусы ложатся в плоскость добра. «Зло гораздо легче входит в душу, прокрадываясь и увлекая, чем насилуя и ломая; для него бывает

¹ Молчанов, В.И. Исследования по феноменологии сознания / В.И. Молчанов. – М. : Территория будущего, 2007. – С. 315.

² Там же. – С. 315.

целесообразнее надеть личину, чем сразу обнаружить свою отвратительность»¹.

Мы обращаем внимание на указанные модусы сознания, поскольку для обычного человека восприятия, память, воображение и т.д. кажутся известными, но в действительности они не познаны, причем не познаны, в первую очередь, в отношении своих истоков, в отношении того, что всякий мыслящий человек выделяет их в качестве «имманентных объектов» посредством рефлексии. Иначе говоря, проблема заключается в том, что нам кажется, что восприятие, память, фантазия, воображение и т.д. - являются первичными, исходными формами сознания. Однако это, по-видимому, не так. Восприятие, память, фантазия и т.д. это завершенные формы сознания, но не процессуальные. Другими словами, следует различать, например, фантазию и фантазирование, чувства и чувствование, веру и верование, надежду и надеяние и т.д.

Исследуя все стороны человеческой духовности, И.А. Ильин особое внимание обращает на понятие «любовь». Проблему русский философ формулирует четко и ясно. «Только духовно-слепой может восхвалять любовь как таковую, принимая ее за высшее достижение и осуждать всякое проявление враждебного отвращения»². Любовь как таковая – это абстрактное понятие. Существенные характеристики, или признаки, любви сформулированы апостолом Павлом в «Первом послании к коринфянам...»: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор.: 13). Это общая характеристика любви. И эти признаки имеют определенный смысл и значение в конкретных случаях, и поэтому любовь необходимо должна быть живой и духовно зрячей. И.А. Ильин разделяет любовь на духовно слепую и духовно зрячую. Что такое духовно слепая любовь? Духовно слепая любовь – это любовь со слабой плеромой, без достаточного религиозно-нравственного самоочищения души. Если любовь принимает зло или соглашается с его существованием, то она мертва или духовно слепа. «Таинственный процесс расцвета добра и преобразования зла осуществляется, конечно, любовью, а не принуждением, и противиться злу следует из любви, от любви и посредством любви»³. Добавим, что это возможно при условии, что любовь есть духовно зрячая, не исключая принуждение. Духовно слепая любовь исключает заставление, поскольку не обращается к духовному видению согласия и единения людей и не является подлинной любовью к добру. Слепая любовь потому и слепа,

¹ Молчанов, В.И. Исследования по феноменологии сознания / В.И. Молчанов. – М. : Территория будущего, 2007. – С. 345.

² Там же. – С. 316.

³ Там же. – С. 318.

поскольку поверхностна и не захватывает человека целиком: тело, душу, дух, волю.

Зло должно пресекаться. Пресечение зла имеет смысл при наличии:

1) «если дано подлинное зло»; 2) если верно восприятие зла; 3) при наличии «подлинной любви к добру»; 4) при наличии «волевого отношения к мировому процессу в вопрошающей и решающей душе»; 5) если невозможно «удержать человека от злодеяния»¹. Это теоретически верно. Но и проблема остается. Ведь я могу, ненавидя зло, просто смертельно бояться вступать в смертельную схватку со злом. Как быть в таких случаях? Ведь в реальной жизни это происходит сплошь и рядом. Ведь зло не только реально, но многообразно, причем настолько, что складывается представление, что оно совершено тотально, а искры добра, любви вспыхивают лишь изредка и случайно. Зло не только многообразно, но и закамуфлировано. Причем настолько, что трудно даже сообразить, против кого направить свое неприятие зла, кто же все-таки заставляет «черное» называть «белым». Ведь отнюдь не случайно И.Кант ушел от вопроса, на чем покоится мир: на добре или зле?

Авторы этих строк были ошарашены исповедью одного безработного. Сам он юрист, кандидат юридических наук, доцент. Устроился он на работу в местный университет. В учебную нагрузку ему включили часы, которые он должен был отрабатывать за одного столичного чиновника, который получал только зарплату.

Когда же ему предложили написать две статьи за этого же чиновника в научный сборник, то он возмутился... И остался без работы... Такие «фокусы» происходят повсеместно – не только в Днепропетровске. Такие «фокусы» системны. Как воспротивиться этой системности? То, что так называемые «сильные мира» вершат зло, используя чужой талант, разум, чувства, эмоции и волю в корыстных целях – это стало общим местом в корпоративной этике. Такого рода «фокусы» и есть общественно-объективирующимся злом. Сталкиваясь с подобного рода «фокусами», человек инстинктивно тяготеет ко всему, что не вызывает в нем состояние раздражения, и столь же инстинктивно отвращается от всего, что может связывать его с объективирующимся злом. Его «духовное око» ищет повсюду людей, которые, по крайней мере, сочувствуют ему, и мгновенно, закрывается, как только он почувствует что-либо отвратительное и мерзопакостное.

Конечно, живя в ошеломляющем многообразии жизни, хочется верить, что основой жизни и человеческого мира есть любовь, добро. И.А. Ильин в разделе «О морали бегства» пишет, что каждый человек «имеет задание растить, очищать и углублять свои способности и предметно проверять, умножать и углублять свои жизненные содержания; пренебрегая этим, он обрекает себя на духовное

¹ Молчанов, В.И. Исследования по феноменологии сознания / В.И. Молчанов. – М. : Территория будущего, 2007– С. 347 – 351.

измельчание и оскуднение»¹. Опять-таки, сказанное русским философом – некая проблема, которая в идеале должна быть главной и фундаментальной для всякого государства и общества. Увы! Реальность XX и первого десятилетия XXI в. такова, что с сожалением приходится констатировать: основная масса людей на земном шаре является историческим гумусом. Огромнейшая часть людей даже не знает, для чего они живут; большинство людей не только не имеет подлинного опыта подлинной любви, подлинного зла, подлинной веры и религиозности, добродетели и справедливости и т.д., но даже не желают задуматься хоть на мгновение об этом. О каком опыте может идти речь? Кто должен пытаться решить эту мучительную проблему? Она (эта проблема), одной стороны, – сгусток злобы и зла, с другой – чистоты, правды, любви и света. И нельзя от обывателя как такового требовать ее разрешения.

Но если об этом задумался, например, «учительствующий философ» (термин И.А. Ильина)? «Учительствующий философ» должен исходить из того, что человек не знает истины бытия как такового, а порою и конкретных вещей; человек не знает ни прошлого, ни будущего; рядовой обыватель сталкивается, как правило, с объективно-субъективным злом (об этом ниже). Прекрасную сентенцию о знании человеком бытия, находим в «Мыслях» Б. Паскаля. Она стоит того, чтобы привести ее целиком. «Я не знаю, кто вверг меня в наш мир, ни что такое мир, ни что такое Я сам; обреченный на жесточайшее неведение, я не знаю, что такое мое тело, мои чувства, моя душа, не знаю даже, что такое часть моего существа, которая облекает мои мысли в слова, рассуждает обо всем мироздании и о самой себе и точно так же не способна познать самоё себя, как и все мироздание. Я вижу сомкнувшиеся вокруг меня наводящие ужас пространства Вселенной, понимаю, что заключен в каком-то глухом закоулке этих пространств, но не могу уразуметь, ни почему нахожусь именно здесь, а не в каком-нибудь другом месте, ни почему столько-то, а не столько-то быстротекущих лет дано мне жить в вечности, что предшествовало моему появлению на свет и будет длиться, когда меня не станет, Куда не взгляну, Я вижу, Я вижу только бесконечность, Я заключен в ней, подобно атому, подобно тени, которой суждено через мгновение безвозвратно исчезнуть. Твердо знаю Я лишь одно – что очень скоро Я умру, но именно эта непостижимая смерть мне более всего непостижима» (Б. Паскаль. Мысли). Если «учительствующий философ» полагает, что – это некий плоский пессимизм, то смеем заметить, что в таком случае, он не способен даже правильно поставить проблему наличности подлинной любви к добру в вопрошающей и решающей душе. Это может показаться странным. Однако это странно только на первый взгляд.

В сентенции Б. Паскаля излагается его опыт, который вряд ли можно квалифицировать как удачную выдумку, или эмпирическое

¹ Там же. – С. 347 – 353.

впечатление, или фантастический образ, или псевдо-мистический взгляд, или послушное заимствование. Сентенция Б. Паскаля есть некоторое реально-субъективное испытание, личное по форме, но сферхличное по существу и значению. Сентенция Б. Паскаля отражает сосредоточенную работу его мысли, одинокую растерянность и тоску по Богу и божественному. Сентенция Б. Паскаля содержит обжигающую тоску и глубину понимания непостижимости бытия. Но все это в неличном, и неэмпирическом, несубъективном, по сути дела, устремлении: в стремлении к адекватному, истинному познанию сущности. В сентенции Б. Паскаля отражен его личный опыт, в котором его душа сосредотачивалась на природе объективного, реально проникаясь бесконечностью и познавательно соглашаясь с ее непознаваемостью, одновременно загораясь стремлением все же понять ее. Несмотря на субъективную форму сентенции Б. Паскаля, она внутренне наполнена красотой, истиной, добром, откровением и смирением...

«Учительствующий философ» должен всегда принимать во внимание существование и функционирование злой человеческой воли, которая предметно объективируется в субъектно-объектных отношениях людей, независимо от того, осмысливаются они или нет. «Учительствующий философ» должен принять во внимание наличность нравственного сознания, которое, правда, не может заменить религиозный опыт. Но и нравственному сознанию в большей или меньшей степени всегда дан опыт подлинного зла. Без опыта подлинного зла решать вопрос о его пресечении или подавлении бесплодно и беспочвенно. Отметим, что, по крайней мере, десятку поколений людей XX ст. подлинный опыт зла дан с такою силою и интенсивностью, как никогда раньше. В XX в., как никогда раньше, зло приобретает объективный характер, как на уровне государственного управления, так и межличностных отношений. И.А. Ильин прав, когда не соглашается с мнением Л.Н. Толстого по поводу того, «что государственная власть всегда принадлежит худшим и злым»¹. Но и проблема остается. В государственном управлении легче скрывать человеческие пороки, прикрываясь необходимостью, предпочитая не замечать зло, уклоняясь от очевидных фактов, свидетельствующих о проявлении духовной слепой злобы, ожесточенности, агрессивности, бесстыдности в человеческих отношениях и поступках. Понятно, что всякий государственный чиновник, не видящий, не воспринимающий, не испытывающий сострадания, понимания, сердечности, ни при каких условиях не способен решать проблему сопротивления злу, погашая ее в самом себе, причем, как правило, сознательно, освобождая себя от ее бремени. В государственном управлении легче скрывать отсутствие гражданской позиции. Быть гражданином не просто, надо иметь мужество и силу воли. В своей прекрасной работе «О сущности правосознания» И.А. Ильин пишет: «...Гражданин есть не

¹ Толстой, Л.Н. Царство Божие. – С. 89.

отвлеченная единица, не объект власти и не просто психофизиологический индивидуум, но существо духовное. Быть гражданином в истинном смысле слова – значит вести автономную духовную жизнь, иметь автономное правосознание и строить им свою жизнь и жизнь своего государства»¹. Быть государственным чиновником и гражданином одновременно – значит иметь самостоятельные убеждения в том, что есть добро и зло, для чего живет человек, в чем его сущность и предназначение, что такое государство, для чего оно существует, какова его цель и предназначение.

«Учительствующий философ» должен принять во внимание, что решить проблему добра и зла без подлинной любви к добру невозможно и лишено всякого смысла. Что же касается сопротивлению злу, то это практическая проблема. Нет, можно рассуждать по поводу недопустимости унижения человеческого достоинства, признания человеческих прав и т.д. и т.п. Но какой толк от этих рассуждений? Зло необходимо порицать, иметь мужество отвергать, но этого недостаточно. Зло «ставит человека перед вопросом о жизни и смерти, требуя от него ответа, стоит ли ему жить при наличности побеждающего зла, и если стоит, то как именно он будет жить для того, чтобы этой победы не было»²

Наконец, «учительствующий философ» должен знать конкретные характеристики зла, не сводящиеся к страданиям, восходящие к подвижничеству. В этом случае «учительствующий философ» должен, по крайней мере, учитывать **конкретные характеристики зла**. К таковым можно отнести: лживость, прелюбодеяние, чревоугодие, алкоголизм, наркомания, жадность, зависть, высокомерие, стяжательство, ревность, лень, карьеризм, братоубийство, страсть, сплетни, цинизм, воровство, убийство, гордыня, тщеславие, честолюбие, злопамятность, наглость, хамство, трусость, безразличие, фарисейство, озлобленность, бессовестность, лицемерие, своеволие, властолюбие, любостяжание, упрямство, произвол, капризность, похотливость, подлость, вожделение, малодушие, пристрастие, одержимость, мстительность, интриганство, предательство, разнузданность, деспотичность, ненависть, насильничество, обидчивость, лесть, клевета, духовное малодушие, себялюбие, эгоизм, бесцельность, агрессивность, лукавство, гневность, отвращение к добру, безжалостность, криводушие, мародерство, блудодеяние, идолослужение, злоречивость, бесовство, идоложертвенность, безрассудность, легкомысленность, бесчестность, приспособленчество, беззаконие, вероломство, богохульство, хуление, лжесвидетельство, любоддеяния и т. д.

Разумеется, количество конкретных характеристик можно увеличить. Дело не в этом. Проблема заключается в ином: все рассуждения о зле как таковом оказываются просто

¹ Ильин, И.А. Сочинения / И.А. Ильин. – В 2 т. – Том 1. – М., 1993. – С. 234.

² Там же. – С. 349.

несостоятельными, если не учитывать его противодуховную природу. О зле как таковом можно сказать, что оно есть сознательное или бессознательное отрицание в различных формах того порядка вещей, явлений и процессов, которые установлены, сотворены Господом Богом. Если не признавать противодуховную природу зла, оно предстает в образе, плоском, мелком, в образе, лишенном своей существенной ядовитости и омерзительности. Отказ от конкретных характеристик зла приводит лишь к морализирующему верхоглядству. Абстрактные рассуждения обывателя о зле как таковом порождают в душе человека лишь высокомерие и попытку отмахнуться от действительного решения проблемы. Зло всегда конкретно, и оно обладает агрессивной тенденцией, изливаясь во внешних поступках, а отсюда вытекает необходимость конкретного «противонаступления на него»¹.

Все эти характеристики отнюдь не исчерпывают зло как таковое и не должны погасить, или оставить, без ответа вопрос о том, может ли обычный человек, рядовой обыватель, прожить без зла и вместе с тем не вести борьбу со злом. В реальной жизни это невозможно, ибо тая в себе начало зла, человек вольно или невольно принимает в себя, соответственно, и само зло. В реальной жизни на каждом шагу сталкиваешься с полным безразличием к людям, попавшим в беду, и слышать лицемерное оправдание, что, мол, «нахожусь в таком болоте, что сам не знаю как быть...» Быть честным и порядочным на словах, в мечтании – не то же самое, что быть честным и порядочным на деле. И когда видишь искорки любви и добра, то радуешься встрече с божественным. Только эта радость при определенных условиях может считаться безмятежной, чистой. Во-первых, человек должен вершить «живое добро», которое не может быть для него очевидным². Во-вторых, «живое добро» должно быть одухотворено любовью, причем любовью духовной. «Только дух, – пишет И.А. Ильин, - духовная сила в человеке, как бы ее ни называть «духовный вкус», «чутье к совершенству», «видение божественного», «боголюбивый ум», «очевидность», – только эта сила открывает человеку настоящий, подлинный, достойный Предмет для его любви, тот Предмет, который сам по себе выше мира, но который таится и в природе, и в вещах, и в людях, и в человеческих отношениях и созданиях, которым стоит жить, который стоит любить и за который поэтому стоит и умереть»³.

Статья поступила в редакцию 17.10.2014 г.

¹ Ильин, И.А. Сочинения / И.А. Ильин. – В 2 т. – Т. 1. – М., 1993. – С. 430.

² Там же. – С. 392.

³ Там же. – С. 399.